

Мазманян
Валерий
Григорьевич
09.07.1953

Мазманян Валерий Григорьевич

родился 9 июля 1953 года в семье военнослужащего.

В 1975 году закончил

Пятигорский государственный педагогический институт
иностранных языков.

Живёт в Москве. Работает в системе образования.

Автор книги «Не спросишь серых журавлей».

И крылом нарежет птица окнам дольки синевы

Нас берёза с белой грудью
угостит при встрече соком,
под слезу капли будет
умирать зима у окон.

Грач распустит веток пряжу,
у крыльца сугроб усохнет,
на твои колени ляжет
солнца луч полоской охры.

И бывали зимы хуже,
но пока в руке рука,
воробьи утопят в луже
кучевые облака.

И найдётся в чём виниться,
и без домислов молвы...
и крылом нарежет птица
окнам дольки синевы.

На берёзовой веточке неба лоскут

О судьбе разговоры уже не влекут -
вспоминается чья-то вина,
зацепился за веточку неба лоскут
и трепещет в проёме окна.

Не озлобились, живы, не стали грубей,
не горюй, а уныние - грех,
белизною пометил виски, голубей
и берёзы растаявший снег.

Не вздыхай, нам апрельские ночи вернут
всех ушедших в красивые сны...
на берёзовой веточке неба лоскут,
улыбнись - это вымпел весны.

Клён моет чёрные лодыжки

Лоскутья неба делят ветки
в свинцовых лужах февраля,
сугробы плачутся в жилетку
усохшей тени фонаря.

Клён моет чёрные лодыжки,
не отморозил - повезло,
и знаем мы не понаслышке -
зимы обманчиво тепло.

Виски в снегу - давно не парень
и не к лицу слова клише...
тебе я просто благодарен
за оттепель в моей душе.

И чёрному грачу поверим

На серость стен мазками охры
рассвет погожий день нанёс,
ещё один сугроб усохнет
у белых ног худых берёз.

Из жарких стран - пора на север,
и птичьим стаям не до сна,
и чёрному грачу поверим,
что март и на дворе весна.

У сердца истина простая -
твоя рука в моей руке,
и льдинкой облако растает
в небесной голубой реке.

Судьба побалует хорошим...
и пусть морщинка льнёт к губам,
сегодня мы печаль раскрошим,
как корку хлеба голубям.

Болтливый ручеёк уносит

Воспоминания - минуты,
а сколько было на пути,
чем ближе подойдёшь к кому-то,
тем дальше хочется уйти.

Косынкой облако повяжет
берёза на худой груди,
становимся с годами глаже,
ушли чужие - не суди.

С утра воркует голубь сизый,
что надо помнить - прячем в сны,
капли слушаем репризы -
бессмертна музыка весны.

Зима, метели, память вёсен
сложились в суетливый век...
болтливый ручеёк уносит
и палый лист, и талый снег.

Аллея ниточками веток сошьёт лоскутья синевы

Уже не редкость день погожий,
последний снег к кусту приник,
и блеском золота тревожит
грача скользящий солнца блик.

Пожухлый лист с порывом ветра
прильнёт к груди сырой травы,
аллея ниточками веток
сошьёт лоскутья синевы.

Приветливей, светлее лица,
и легче груз прожитых лет,
и мнит себя свободной птицей
пустой разорванный пакет.

Морщинки - только сухость кожи,
и ты зеркал не слушай ложь...
и пусть вчера и завтра схожи,
весной чудес от жизни ждёшь.

Налепит ветер белых птиц

Ветла проводит битый лёд,
клин журавлиный встретим мы,
и белой бабочкой вспорхнёт
с весенних трав душа зимы.

Костистый тополь на плечах
поднимет солнышко в зенит,
и в такт мелодии ручья
ольха серёжкой зазвенит.

В дремоте чуткой тихий лес,
февраль - не время птичьих гнёзд,
но обещание чудес
таит молчание берёз.

И пусть сегодня нелегко
заполнить пустоту страниц...
для нас с тобой из облаков
налепит ветер белых птиц.

Берёза серебряный волос украсит алмазной звездой

Морозно, ломается голос,
снежинка растает слезой,
берёза серебряный волос
украсит алмазной звездой.

Пока отношения шатки,
былое с добром отпусти,
большие пушистые шапки
надели худые кусты.

Не всё перепишешь с начала,
но можно начать и с конца,
и сердце недаром стучало -
сойдутся следы у крыльца.

У дома сугробов отара -
метели пригнали, ушли...
и облачком белого пара
плохое слетает с души.

Задремавшая луна улыбается во сне

Все сугробы спеленал
к десяти вечерний снег,
задремавшая луна
улыбается во сне.

Грезится весенний день -
принесли тепло грачи,
убаюкал ветер тень,
и зажгла звезда ночник.

Суета, усталость, хмарь -
три морщинки возле глаз,
посмотри - нашёл фонарь
у окна большой алмаз.

Погрусти, но бровь не хмурь,
у судьбы не просим крох...
отзвуком житейских бурь
остаётся тихий вздох.

Худой фонарь у тёмных окон пускает жёлтую слезу

Унылый день не станет датой,
забудь и зря не морщи лоб,
на простыне, ветрами смятой,
уснул калачиком сугроб.

Раздвинешь шторы - тени в коме,
на сером - белые штрихи,
ночных воспоминаний промельк
тревожит старые грехи.

Былое тронешь ненароком,
не вороши, что там - внизу,
худой фонарь у тёмных окон
пускает жёлтую слезу.

И сколько от себя ни бегай,
найдётся повод для тоски...
с берёзой, облаком и снегом
роднятся белизной виски.

И неба серые лоскутья на чёрных ветках сушит ветер

Опять сезонов перепутье,
не отличишь от утра вечер,
и неба серые лоскутья
на чёрных ветках сушит ветер.

А там, где были снега пятна,
мерцают лужи из металла,
твое молчание понятно -
от этой серости устала.

Одно уже не повторится,
другое - памяти отдали,
и петли времени на спицы
ложатся ровными рядами.

Добавлю в комплименты лести -
душа вспорхнёт и вёсны вспомнит...
оконным переплётom крестит
фонарь тебя и сумрак комнат.

Метелям - в память лет

По лужам облака плывут,
последний снег зачах,
и сосны держат синеву
на бронзовых плечах.

На все лады поют ручьи,
что всё в твоих руках,
гуляют важные грачи
в потёртых сюртуках.

Дождям - в жемчужную росу,
метелям - в память лет,
я, как огонь любви, несу
багряных роз букет.

Возьмёшь цветы, я, не дыша,
услышу - горячо...

и сизым голубем душа -
на белое плечо.

Вязь следов на снегу

Опавшие листья - вся память весны,
метели оставят нам белые сны,
спешим, суетимся и время торопим,
цветами на яблонях снежные хлопья.

Берёзы осеннюю медь берегут,
а летопись зим - вязь следов на снегу,
прошу улыбнись - и забудем плохое,
как празднично в доме от запаха хвои.

Клубками - сугробы и прячут носы,
луна мандарином на клёне висит,
присядешь поближе, обнимешь руками...
и вспомнят снежинки себя мотыльками.

Из пряжи запутанных веток

Наверное, тоже не спите
и вспомнили всё ненароком,
метели стирают граффити
берёзовых теней у окон.

Печаль - не единственный мостик,
который лежит между нами,
а клён - одна кожа да кости -
утешится белыми снами.

Что лучшая песня не спета,
бессонница снова пророчит,
из пряжи запутанных веток
соткутся весенние ночи.

И была судьба, и ломала,
сегодня - сердечная смута...

узнала душа, что ей мало
покоя в тепле и уюта.

Белый снег - на серый сумрак

Клён с костлявыми плечами
знает - март вернут грачи,
сядешь рядом с чашкой чая,
повздыхаем, помолчим.

Посидим с тобой без света,
пахнет в комнате сосной,
узелками чёрных веток
зимы связаны с весной.

Белый снег - на серый сумрак,
на дворы, на горизонт,
перетерпишь, если умный,
и однажды повезёт.

И поймёшь, когда мы вместе,
время - только горсть песка...
а зима - строка из песни
и седая прядь виска.

Разноцветная свита опавшей листвы

С увядающей осенью вечно морока -
забывает опять про обещанный снег,
а дожди барабанят в закрытые окна,
со слезой умоляя пустить на ночлег.

Не гадал, что скрывалось за вашей улыбкой,
и не верило сердце, что это игра,
не берёзовый лист - золотистую рыбку
доставали из невода веток ветра.

А ракита, озябшая, в платице рваном
помахала платком - возвращайтесь на круг,

переводит душа на язык расставаний
и несдержанный вздох, и касания рук.

Поддержу разговор о делах, о погоде,
понимая, что клятвы любые пусты...
уходящего в зиму, привычно проводит
разноцветная свита опавшей листвы.

Рябины горькие уста - медовые к зиме

Ругнём - не нами повелось -
дожди и суету,
берёза золотом волос
прикрыла наготу.

И пусть у нас настрой плохой,
и пусть пейзаж уныл,
в ночи над худенькой ольхой
сияет нимб луны.

Извечный осени обряд -
былое ворошить,
забрали ветры октября
у тополя гроши.

Шепнёшь, что просто подустал,
не всё держи в уме...
рябины горькие уста -
медовые к зиме.

Увядающей осени клёны золотые приносят дары

С голубями остались вороны
сторожить до апреля дворы,
увядающей осени клёны
золотые приносят дары.

Погорюем, что видимся редко
и любовь достаётся трудом,
извивается яблони ветка,
искушая медовым плодом.

Повздыхаем и корку раскрошим,
и приветим у ног сизаря,
что потом обернётся хорошим
и гадать, и раздумывать зря.

Озаряя сиянием воздух,
листопады за ветром спешат...
забывая про годы и возраст,
невозможного хочет душа.

Сшивают дожди одеяло из пёстрых лоскутьев листвы

Не плачься, что ранняя осень
красотке за сорок сродни,
а яблоки, падая оземь,
считают не годы, а дни.

Поверишь - останется вечно
что близко и дорого мне,
негаснущим пламенем свечки
берёзовый листик во тьме.

Осины в парчу разделись,
проводят сентябрь за порог,
а клёны, наверно, за ересь
сгорают в кострах у дорог.

Сшивают дожди одеяло
из пёстрых лоскутьев листвы...
и нам остаётся немало -
судьбы паутинку плести.

А клёнам в жёлтые ладони дожди бросают серебро

Душе неймётся - вот и гонит
в ненастье взяться за перо,
а клёнам в жёлтые ладони
дожди бросают серебро.

И хочешь ласкового взгляда,
и слова нежного с утра,
багряный парус листопада

порвали шалые ветра.

Всего одна твоя улыбка -
и станет розовым восток,
и золотой плеснётся рыбкой
в пруду берёзовый листок.

Ветле с покатыми плечами
помашет уточка крылом...
какая осень без печали,
без сожалений о былом.

И прощальным твоим поцелуем отпыляет осинový лист

Облетают кленовые ветки,
и к судьбе примеряемся мы,
и опавшие листья виньеткой
на заглавной странице зимы.

Вспоминается в сумрачный вечер,
как я знойное лето ругал,
а берёз обнажённые плечи
ещё помнят красивый загар.

Не горюй - и душевные раны,
и рябиновой кисти ожог
поутру, с пробуждением ранним,
забинтует пушистый снежок.

Уходящий в эпоху былую,
по-особому, видно, речист...
и прощальным твоим поцелуем
отпыляет осинový лист.

А рябины подкрасили губы, ожидая приход сентября

Вместе с днями и чувства на убыль,
журавли собрались за моря,
а рябины подкрасили губы,
ожидая приход сентября.

Ветерок твои волосы тронет,
поспешит паутинку вплести,

и дожди на кленовой ладони
наших судеб начертят пути.

А берёзоньке с чёлочкой рыжей
золотые серёжки к лицу,
промолчи, что не станем мы ближе,
уходя, с листопадом станцуй.

И останется память святая,
сновидения, строчки и вздох...
и листвы желтокрылая стая
попорхает и ляжет у ног.

И бабочкой лимонницей осенний лист закружится

Рябины губы алые
целованные ветрами,
а в сквере листья палые
считает август с ветками.

Узнает осень - выжили,
морщинками открестится,
берёза в пряди рыжие
заколку вденет месяца.

Любовь жива, а прочее
само и перемелется,
и капель многоточие
стряхнёт на плечи деревце.

И серость не схоронится
от солнца в мелкой лужице...
и бабочкой лимонницей
осенний лист закружится.

И август в ноги сентябрю медовым яблоком упал

Залётный ветер под окном
берёзе золото сулит,
вечерний дождь стальным пером
выводит на воде нули.

Худой фонарь с лицом больным

устал от шума и машин,
а день сегодняшний с былым
связали ниточки морщин.

Пойму по жесту твоих рук,
что лето кончилось - молчи,
и нотам - вздох и капель стук
ещё не раз звучать в ночи.

Тебе о чувствах говорю,
и вечер для признаний мал...
и август в ноги сентябрю
медовым яблоком упал.

А клёны на жёлтых ладонях приносят вечернюю грусть

Лист палый ветра не догонит,
в сиреневый вцепится куст,
а клёны на жёлтых ладонях
приносят вечернюю грусть.

Ничем эта осень не хуже
и будет не лучше других,
дожди на асфальтовых лужах
житейские чертят круги.

Слова распадутся на звуки,
любовным порывом не лгут,
целую красивые руки -
они создавали уют.

Покой на душе - это милость,
уже никуда не спешим...
а осень навек зацепилась
у глаз паутинкой морщин.

И ткут вечерние дожди для осени цветные ткани

Стучится дождь и серый свет
гардина в сумрак комнат впустит,
укутанный в пушистый плед
свернулся в кресле кокон грусти.

И зря гадать, о чём молчишь
и что тревожит твой покой,
не ты - компьютерная мышь
пригрелась под моей рукой.

И я боюсь, что выдаст голос -
пугает отрешённый взгляд,
лучом закатным гладиолус
на миг осветит мокрый сад.

Берёзовый листок дрожит -
сорвётся и в тумане канет...
и ткут вечерние дожди
для осени цветные ткани.

Плечи кутает калина в красный с бахромой платочек

Тонет месяца кораблик
в море синего рассвета,
стуком падающих яблок
август дни считает лета.

Жизнь казалась длинной-длинной,
осень не даёт отсрочек,
плечи кутает калина
в красный с бахромой платочек.

Не сегодня - завтра морось,
медь осин возьмём, как милость,
на висках не белый волос -
паутинка зацепилась.

В палых листьях память солнца
замерцает старой бронзой...
в унисон с ветрами бьётся
сердце жёлтое берёзы.

Август завещает флоксам до снега память сохранить

Вечерний зной и дождь короткий
не вспомнит утром девясил,
а месяц клинышком бородку
в речную воду опустил.

В окно распахнутое настежь
звезда влетела мотыльком,
и ты печальным взглядом скажешь,
что лето - это сон мельком.

Оглушит тишина пустая,
забьётся сердце у висков,
сомнёт листву берёзы стая,
в рассвет летящих облаков.

Где жёлтый лист в траву улёгся,
дожди свою распустят нить...
и август завещает флоксам
до снега память сохранить.

Вместе с бабочками лето по дворам разносит шмель

Блики солнечного света,
час, не больше, дождь шумел,
вместе с бабочками лето
по дворам разносит шмель.

Что для счастья надо мало,
если хочешь говори,
у окна собрали мальвы
утром капельки зари.

Что с того, что в прядях иней
и морщинки возле глаз,
солнце зреет сочной дыней
в этом августе для нас.

Смех и поцелуй горячий,
голубь во дворе речист...
в тень берёзы ветер прячет
первый золочёный лист.

И ветерок ночной игрив - целует яблоню в плечо

Полнеба сжёт, дотлел закат
у голубиноного крыла,
а там, где плыли облака,

звезда кувшинкой зацвела.

До блеска ржавую луну
начистят веточки берёз,
твой взгляд и шёпот нам вернут
былые чувства, радость грёз.

И ветерок ночной игрив -
целует яблоню в плечо,
мы время падающих слив
порой счастливой наречём.

Оставь во-первых, во-вторых -
найдётся повод для нытья...
и у души нет выходных
в круговороте бытия.

О чём вздохнёт в саду сирень

Услышишь в тишине живой,
о чём вздохнёт в саду сирень,
как ветер, пёс сторожевой,
вспугнёт берёзовую тень.

Застынешь у окна босой
и жаль ушедшее до слёз,
а месяц с золотой косой
пришёл на луг цветущих звёзд.

Не сетуй - даже не прилёт
и не разобрана постель,
залётный белый мотылёк
поднял на памяти метель.

Со мной не сумрак карауль,
а ночь и эту благодать...
оставит навсегда июль
что у души нельзя отнять.

А дождь опять нанёс штрихи

Судьбу напрасно не кори,
что нашу жизнь делить на три -

жизнь наяву, на ту, что в снах,
на ту, что прожил на словах.

Былые вспомнились грехи,
а дождь опять нанёс штрихи
на вставленный в окно пейзаж,
и грусть - порой - и крест, и блажь.

Ушла гроза, воскресла тень,
вздыхаешь - отцвела сирень,
повсюду тополиный пух,
и не спалось вчера до двух.

И что ты тут ни говори,
а жизнь опять делить на три -
на ту, что будет, что прошла,
на ту, что прожила душа.

А бабочка над красной розой

Меняют наши тени облик -
длинней, короче, вместе две,
и клевер, стриженный под бобрик,
с ромашкой шепчется в траве.

В одеждах чёрных ходят галки,
платок повязан на груди,
и оба знаем, без гадалки,
что будет с нами впереди.

Сиреневый туман лаванды,
над ним - в полнеба синева,
на всё, что сложится нескладно,
найдутся нужные слова.

А бабочка над красной розой
не верит в осень и печаль...
и вековой мерцает бронзой
загар открытого плеча.

И белый иней одуванчика

Весна уже уходит в прошлое -
густой травой, на зорьке скошенной,
грозой, вишнёвыми метелями,
туманом яблонь и капелями.

Цветок жасминовый закружится
и льдинкой поплывёт по лужице,
и белый иней одуванчика
накроет солнечного зайчика.

Шмелю, стрекозам и соцветиям
три летних месяца - столетия,
порхает бабочка-капустница,
где жёлтый лист на снег опустится.

Прошу тебя - не надо мучиться,
что поздняя любовь - разлучница...
поверь - спасёт от неизбежности
простое слово с жестом нежности.

Беги туда, где серебрится от звёзд открытое окно

С осенних листьев позолоту
легко смывает серый дождь,
когда в толпе окликнет кто-то,
вздохнёшь - не тот, кого ты ждёшь.

Но не тянись за власяницей,
не лей багряное вино,
беги туда, где серебрится
от звёзд открытое окно.

Где голубь тянется за крошкой
и за прозрачной синевой,
а ты корнями связан с прошлым,
и сердце знает - здесь ты свой.

Где из дощатого сарая
с ведром в руках выходит мать...
и места лучшего для рая,
наверно, трудно отыскать.

Поцелованный бабочкой белой

А вчера журавлиная стая
разбудила с утра синеву,
одуванчики золото мая
уронили в сырую траву.

Поначалу и ты оробела,
я в тумане черёмух пропал,
поцелованный бабочкой белой
лепестки осыпает тюльпан.

Оказалась душа твоя чуткой,
поняла мою нежность рука,
прилетевшие дикие утки
отбелили в пруду облака.

И не верь, если фразу услышим -
выбираем дороги не мы...
в седине - и цветение вишен,
и нестёртая память зимы.

Синевы озерцо глоточками выпили тучи

Метели вишнёвые май разбудил,
шмеля и вечерние грозы,
родимые пятна на белой груди
платочком прикрыла берёза.

Синица на ветке торопится спеть,
что солнечно утром и ясно,
листвы прошлогодней подсчитана медь
грачами в монашеских рясах.

Шепну, что зелёное платье к лицу,
влюблённый морщинистый мальчик,
у бабочки белой сорвав поцелуй,
за ночь поседел одуванчик.

Не вспомнишь меня и забудешь лицо -
красивыми снами не мучай...

и мечется стриж - синевы озерцо
глоточками выпили тучи.

Тюльпан над палым листиком затеплился свечой

Смахнула роща чахлая
последний снег с плеча,
проснулась мать-и-мачеха
от пения ручья.

За дымкой первой зелени
зеркальная вода,
крупницу солнца селезень
достал со дна пруда.

С обидами покончено,
твоя улыбка - знак,
цветущей вербы облачко
накрыло березняк.

Любви простая истина -
от слова горячо...
тюльпан над палым листиком
затеплился свечой.

А солнечные зайчики со мной в ненастье выжили

Дождей ночные шорохи,
и сны - клочками рванными,
цветущие черёмухи
плывут к окну туманами.

К окну ночами клонится
под стук дождя акация,
ругнёшь в сердцах бессонницу -
ушедшим в мае маяться.

Листву сжигали палую
и свист метели слышали,
сизарь полоску алую
крылом провёл над крышами.

И прячут одуванчики
печаль в ресницы рыжие...
а солнечные зайчики
со мной в ненастье выжили.

Из серебра цепочки у вербы на руках

Уже проснулись почки,
зима осталась в снах,
из серебра цепочки
у вербы на руках.

Любовь и память святы
на наш короткий век,
в кустах бумагой мятой
лежит последний снег.

Листочка рванный парус
качает сонный пруд,
пока былым я маюсь,
ты создаёшь уют.

Худых берёз рубахи
заношены до дыр,
дожди, невзгоды... птахи
весенний славят мир.

Большие родинки проталин целует солнце поутру

На клёны глянешь - одни мощи,
но сумрак уступает дню,
и ждут берёзовые рощи
свою грачиную родню.

Худой сугроб уткнулся в землю,
лоскутья туч на тополях,
воркует голубь, тени дремлют
на белых мятых простынях.

Словам пустым узнали цену,
и кто - чужак, и кто - родной,
и бьётся голубая вена

ручья под коркой ледяной.

Снега, невзгоды - не пропали
и устояли на ветру...
большие родинки проталин
целует солнце поутру.

Сотрёт каракули теней под утро белая пороша

Года войдут тихонько в сны,
недели пролетят аллюром,
из рамок окон до весны
не снимешь зимние гравюры.

И знает сгорбленный фонарь,
что в сумраке душе противно,
и выкормыш зимы - февраль
загонит в душные квартиры.

К чужим привяжешься сильнее -
с чужими легче быть хорошим,
сотрёт каракули теней
под утро белая пороша.

Вздохнёшь, что нет былой любви,
смолчу - нельзя всё мерить прошлым...
запомнят в стужу воробьи -
спасёшься, подбирая крошки.

Допоздна в метель не спится

На дома, на тополь голый
снегопад обрушил небо,
воробьи и сизый голубь
не дождались крошек хлеба.

За судьбой не доглядели,
допоздна в метель не спится,
за петлём петля - недели
на твои ложатся спицы.

Никого с тобой не судим,

что в душе печали кокон,
и берёза с белой грудью
зазвенит серьгой у окон.

И ручья подхватят голос
поутру хоры капли...
и простишь за белый волос,
и за то, что не допели.

Худые лодыжки рябины заботливо моет ручей

Стареем - никак без таблеток,
без вздохов и глупых обид,
в фонтанах берёзовых веток
апрельское небо рябит.

Не сетуй - судьба не скупая,
и дней не так много пустых,
тепло воробьи покупают
за медь прошлогодней листвы.

И нечем особо хвалиться,
и плакаться повода нет,
на грудке у каждой синицы
блестит золотой амулет.

Запомнило сердце - любили
и радости лучше врачей...
худые лодыжки рябины
заботливо моет ручей.

Пора учить язык грачей

Над тенью ветер посмеётся,
взьерошит волосы рябин,
а в лужице монетку солнца
нашли и делят воробьи.

На волю из ледовой клетки
подснежник рвётся и ручей,
и шепчутся худые ветки -
пора учить язык грачей.

Мотивы нудные метели
сменило пение синиц,
не хочет слышать звон капли
седой сугроб, упавший ниц.

И что вчера казалось важным -
ненужный лист черновика -
плывёт корабликом бумажным
по синей луже в облака.

Подойдёшь к окну босая

Ждём - разбудит гомон грачий
лес и лёд замёрзших рек,
о метелях белых плачет
только ноздреватый снег.

От зимы осталось долгой -
вздых, неделя до тепла,
месяц - золотой заколкой -
вденет в волосы ветла.

У нагих берёз истома,
вместе с ними подожди -
и большой сугроб у дома
ночью расклюют дожди.

Пробежал февраль короткий,
подойдёшь к окну босая...
золотые самородки
солнце в лужицы бросает.

Вчерашний снег - полоской белой

Стоим с тобой на перепутье,
а осень в рубище берёз
сшивает серых туч лоскутья
стежками веток вкривь и вкось.

Вчерашний снег - полоской белой,
на ивах мокрое рваньё,

тревожат дремлющее небо
и голуби, и вороньё.

Немного у судьбы просили,
а жизнь, гадай, как повернёт,
и бьётся сердцем лист осины,
вмерзая в первый тонкий лёд.

И где ему тепло и место,
живое чувствует нутром...
зима вся в белом, как невеста,
не помнит осень в золотом.

Уходит пора золотая

Уходит пора золотая,
поплачься, себя пожалей,
берёза обноски латает
цыганской иголкой дождей.

А клёны не прячут нагие
узлы выступающих вен,
и мучает нас ностальгия,
и просит душа перемен.

Ты рядом, к чему торопиться
с утра в суматоху недель,
зонты, словно чёрные птицы,
куда-то уносят людей.

С намокшей травы не поднимешь
осины цветастый платок...
что там - за туманами - финиш,
а может быть, новый виток.

Багряным сердцем бьётся осиновый листок

Багряным сердцем бьётся
осиновый листок,
сосна целует солнце
в оранжевый висок.

Тепло в душе от мысли,
что я в тебя влюблён,
пылают жаром листья -
обжѣг ладони клѣн.

С берёзой в тихой роще
давным-давно знаком,
поманит жизнь хорошим -
пойдѣшь и босиком.

Что многое нам поздно -
дождя ночного бред...
а осень льѣт из бронзы
воспоминая лет.

Осины красятся румянами

К утру измученный бессонницей
вдохнёшь - не тех, наверно, ждал,
трепещет бабочкой-лимонницей
листочек на игле дождя.

Осины красятся румянами,
а тучи набирают вес,
притих укутанный туманами
простуженный осенний лес.

От свиста ветра лужа морщится,
а ты всё предаёшь суду,
и желтизной больная рощица
неделю мечется в бреду.

Кленовый лист ладонью скрюченной
взъерошил волосы куста...
и кем-то осени поручено
всѣ ставить на свои места.

А мы, как поздние цветы

У зеркала притихла ты -
морщинки и седая прядь,

а мы, как поздние цветы,
не верим - время увядать.

А в памяти ночной грозы
весенний день и майский гром,
какая осень без слезы,
без сожалений о былом.

И будь ты грешен, будь святой,
за птичьей стаей не взлететь...
и дождь серебряной метлой
метёт берёзовую медь.

Время лиловых туманов сирени

Время лиловых туманов сирени,
смеха, улыбок и откровений,
синих ночей и метелей акаций,
время, в котором нельзя нам остаться.

Звёзды слетятся к окну мотыльками,
если захочешь, лови их руками,
солнечный день или пасмурный вечер -
радость такой же осталась при встрече.

Пух одуванчиков с бабочкой кружит,
яблони цвет льдинкой плавает в луже,
время - река без истока и устья,
дважды войдёшь - не расстанешься с грустью.

Следом за зноем - шумные грозы,
ангелы трав - голубые стрекозы...
время, которое ловим мы снами,
знает, что будет по осени с нами.

Ветла грустила о былом

Ветла грустила о былом,
дремала тёмная вода,
метнулась чайка и крылом
разбила зеркало пруда.

Затеял рой стрекоз игру,
и ласточка грозу звала,
и ты шептала - не к добру,
к печали бьются зеркала.

И свет дневной во мгле пропал,
и росчерк птичьего крыла,
петляя, нас с тобой тропа
по судьбам разным развела.

Мы друг от друга далеки...
а там, где встретили весну,
сидят на зорьке рыбаки
и ловят звёзды на блесну.